

Богу) есть единственная достойная человѣка цѣль. Всякій другой трудъ, всѣ науки и искусства и даже государство и отечество—все это имѣет своимъ центромъ семью, все это возводится къ ней, подобно радіусамъ. Отнимите это служеніе отъ человѣка, какъ Толстой его отнимаетъ, предъ очи ваши предстанетъ смерть, всѣ труды, науки и искусства, государственный порядокъ, задачи отечества падутъ, какъ падаетъ тяжесть, лишившись точки опоры. Поэтому намъ даже странно слышать такую логику, по которой считается достойною цѣлью то, что въ дѣйствительности только служить, а не господствовать, по которой считаются достойною цѣлью науки и искусства, мыслимыя только тогда, когда есть люди, при существованіи ихъ, и считается недостойною цѣлью жизнь этихъ людей, самое существованіе ихъ, безъ котораго всѣ науки и искусства—нуль.

5. Непонятно, откуда могло явиться обобщеніе гр. Толстого касательно затрудненія, которое представляетъ супружеская жизнь личностямъ, посвятившимъ себя научному или другому какому труду. Изъ романа вывести этого нельзя. Въ Позднышевѣ мы не нашли ничего человѣческаго; все человѣческое ему чуждо и потому труды разные также. Допустимъ, что обобщеніе созрѣло у Толстого лично, независимо и помимо „Брейцеровой сонаты“, а къ слову пришлось его сказать и онъ сказалъ. Тогда факты противорѣчатъ тому, что онъ говоритъ. Далекъ ходить не будемъ, возьмемъ самого графа. Мы зачитываемся до самозабвенія его безсмертными, славными твореніями—„Войною и миромъ“ и „Анной Карениной“, мы видимъ въ нихъ массу положеннаго труда, много опыта и знанія жизни, а онъ далъ намъ ихъ, какъ помнится, уже обзаведясь семьей.

Жизнь вообще представляетъ намъ гибель фактовъ, позволяющихъ сдѣлать противное обобщеніе, т.-е. что семейная жизнь, семейная обстановка не затрудняетъ, а облегчаетъ достиженіе тѣхъ цѣлей, которыя гр. Толстой считаетъ *единственными разумными*.

Мы видимъ, что читатель невольно поражается странностью и несомнѣнною абсурдотью новой философіи гр. Льва Толстого.